

Николай Андреев

Николай Андреев – родился в 1947 году в Соль-Илецке Оренбургской области. В 1974 году окончил факультет журналистики МГУ. С 1972 по 1983 год в штате «Комсомольской правды». Работал в «Литературной газете», «Известиях», «Российской газете». Автор фундаментальных биографий: «Жизнь Сахарова», «Жизнь Высоцкого», «Жизнь Горбачёва». Печатается во многих российских и зарубежных изданиях. В настоящее время проживает в Чекалине – самом маленьком городе России.

ДЕСЯТЬ РАЗ ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ

У меня нет никаких иллюзий по поводу Советского Союза – не ностальгирую по тем временам. Значительная часть моей жизни прошла в советские времена, потому имею представление, как тогда всё было устроено. Журналистом объездил всю страну, разговаривал с тысячами людей, наблюдал действительность как она есть, и к началу 80-х годов у меня сложилось твёрдое мнение: страна обречена. Обречена прежде всего потому, что экономика зашла в тупик. И несправедливо всё было устроено, хотя идеология провозглашала как раз справедливую конструкцию общества. Тогда была популярна присказка: думаем одно, говорим другое, делаем третье.

Не желаю возвращения советских порядков. Но надо отдать должное советской системе – она родила уникальные достижения, которые стали примером для остального мира. И это не только первый спутник и первый человек в космосе. И совсем не бесплатные квартиры – чтобы получить своё жильё, надо было отстоять в очереди лет 20–30. И не дешёвые путёвки от профсоюза на турбазы и в санатории. И не дачи... Достижения совсем иного рода. И в год столетия СССР повод о них вспомнить.

«Книга – лучший подарок»

Помню из детства: в нашем доме стояла этажерка с книгами. Отец был простым рабочим, но знал: должна быть домашняя библиотека. Помню на полках серые томики: собрания сочинений Тургенева, «Дон Кихот», «Повести» Пушкина, «Счастье» Павленко, «Ниссо» Павла Лукницкого, Толстой «Казаки», Михаил Кольцов «Фельетоны», «Как закалялась сталь» Островского...

Для советского дома обязательная деталь интерьера – библиотека. Книги любили. За книгами гонялись. И главное – книги читали. Человека, уткнувшегося в книгу, можно было увидеть в метро, в автобусе, на пляже, в очереди, в парке на скамейке, в парикмахерской...

Я был записан в три библиотеки – городскую, школьную и заводскую, где работал отец. Библиотеки были всюду – в школах, в институтах, на турбазах, на заводах, на рейсовых пароходах. Андрея Сахарова после окончания университета в 1942 году распределили на военный завод в Ульяновске. Он ехал туда на поезде и на каком-то вокзале переждал пересадки, а чтобы скоротать время, взял в библиотеке книгу. То есть пассажиры могли брать книги в вокзальной библиотеке. Изба-читальня, книгоноша – духом истории веет от этих слов. Читальные залы всегда полны. Помню, студентом сидел в Ленинке, ещё в старом здании – доме Пашкова. Испытывал гордость.

Сейчас я живу в маленьком городке Чекалин. Что поражает в нашей городской библиотеке – зачитанность книг классиков. Уж казалось бы, Достоевский не для наших деревенских. А все его тома, включая полное собрание сочинений, – потрёпаны, и крепко потрёпаны, значит, не один десяток раз побывали в мозолистых руках. И зачитаны они в советские времена. Сейчас редко кто заглядывает в библиотеку.

С годами интерес к книге в обществе только рос, и пик пришёлся на 70–80-е годы прошлого века. Книг не хватало, в магазинах раскупали всё. Книги стали своеобразной валютой – с помощью дефицитных изданий можно было заиметь некоторые блага. В дневнике литературного критика из Костромы Игоря Дедкова читаю: «Клеевицкий жаловался, что все дела теперь приходится устраивать с помощью книг и преподносить книги строителям, автотранспортникам, продавцам...»

Было предпринято уникальное издание – «Библиотека всемирной литературы». 200 томов. В них вошли 26 тысяч произведений 3 235 писателей из 80 стран мира. Тираж – 600 миллионов экземпляров, а всё равно БВЛ была в огромном дефиците. Помню объявления типа: «Продаётся БВЛ. Состояние томов идеальное. Цена 2 000 рублей». Огромная по тем временам сумма, «Жигули» стоили пять тысяч.

Жаждали иметь собрания сочинений, за подписками стояли в очереди ночами. Помню, дикий ажиотаж за подписку на собрание сочинений Достоевского. Мне не досталось. И какие тиражи! Пушкин – почти 400 миллионов экземпляров. Толстой и того больше – 440 миллионов. Больше 100 миллионов тиражи сочинений Чехова, Горького, Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Шолохова.

Где истоки любви к книге? Когда это началось? Основа заложена в первые годы Советской власти. Идея издать библиотеку лучших произведений писателей всего мира – от Античных времен до современности – зародилась у Горького. Он создал издательство «Всемирная литература». Была запущена серия «Народная библиотека», в которой вышло около 300 книг – произведения русских классиков. Выпускалась серия романов выдающихся зарубежных писателей. Научно-популярные издания выпускались в сериях: «Наука для всех», «Начатки знания», «Естественнонаучная библиотека».

Писатели были уважаемыми людьми. И их творчество хорошо оплачивалось. Прозаики, поэты могли жить на гонорары от изданий. Сегодня такое и представить неммыслимо. А тогда писатель, фамилию которого сегодня никто и не помнит, издаст в год книгу тиражом 100 тысяч, и этого было достаточно, чтобы прокормить семью. Ну а популярные, например Симонов или Нагибин, выпускали в год по несколько томов, и ни в чём себе не отказывали.

Книги не только читали, их обсуждали, о них спорили, вели жаркие дискуссии – помню многие. Ну, например, бурно спорили о маленьких повестях Юрия Трифонова – «Обмен», «Долгое прощание», «Другая жизнь». Про «Дом на набережной» и говорить нечего – годами обсуждали.

Существовал лозунг «Книга – лучший подарок». Тогда по нему взгляд скользил бездумно, и только сегодня понимаешь, какой глубокий в нём заложен смысл. И он, смысл, остался там, в советском времени.

Создали письменность для сотен народов

Моя бабушка Акси́нья Дементьевна 1899 года рождения писала с трудом. Помню её письма, которые получал, когда был студентом факультета журналистики МГУ – четыре-пять строчек разбегающихся по странице букв. В школе она не училась, грамоту осваивала в ликбезе. Ликбез – популярнейшее слово в 20-х годах. Сокращённо от «ликвидация безграмотности населения». Был принят декрет Совнаркома, который предписывал каждому советскому гражданину в возрасте от 8 до 50 лет учиться грамоте.

Запустили проект и столкнулись с проблемой – у всех малых народов страны письменность находилась на низкой ступени развития или вообще её не было, а как учить читать-писать, если и азбуки нет? Да и не только у малых народов. Татары, казахи, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы имели письменность, но она была построена на основе арабской системы письма, отражающей особенности семитских языков, и плохо подходила для языков тюркской группы. Значит, надо было создать алфавиты для огромного числа языков из разных языковых групп.

За работу взялись лингвисты, языковеды, филологи. Создать письменность – совсем непростое дело, годы уходят на то, чтобы изучить и описать звуковой строй языков, исследовать диалекты, найти в русском языке аналоги слов для перевода с национального. В результате кропотливой работы определялась база письменного языка. Утвердили алфавиты, разработали орфографию. Была создана письменность для почти ста народов и народностей, даже для тех, которые насчитывали всего лишь несколько сотен человек, как, например, алеуты, ижорцы, вепсы. Начинается массовое издание национальных букварей и учебников, появились газеты, журналы, книги. Появились писатели, поэты, пишущие на родном языке, – их переводили на русский, они становились известными в масштабах Союза.

Создание письменности можно назвать подвигом в культурном языковом строительстве. Ничего подобного в Европе не было. Наоборот: носители *большого* языка подавляли языки других, как это, скажем, случилось в Ирландии – английский язык вытеснил местное наречие. А про колонии и говорить нечего – колонизаторам из Франции, Испании, Германии, Англии, Бельгии, Голландии и в голову не приходило развивать языки, скажем, бушменов или тутси, не говоря уж о создании письменности. Язык колонизаторов в регионах Африки или Азии становился обязательным для общения, как устного или письменного. Правда, сформировались пиджин и креольский – упрощённые языки как средство общения между этническими группами и колонизаторами. Это типа «моя-твоя понимай».

В Конституции СССР 1924 года были определены несколько равноправных языков делопроизводства: русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский и тюркско-татарский (нынешний азербайджанский), как языки самых крупных народов, населявших в то время территорию Советского Союза.

Правда, сами себе создали сложности с графикой письма. Сначала выбрали для алфавитов *латиницу*. *Кириллицу* большевики считали признаком русского великодержавного шовинизма, потому выдвигались проекты перевести русское письмо на латинский алфавит, однако вовремя остановились, сообразили: такая реформа потребовала бы гигантских финансовых затрат, не говоря уже о том, что текст Пушкина, написанный латиницей, воспринимался бы дико и отталкивающе: «Ya vam pishu, chego ge bole...»

Латиница в национальных языках торжествовала до середины 30-х годов – на ней издавалась периодика, печатались книги, детей в школах обучали выводить латинские буквы. Но постепенно стало ясно: русский язык и кириллица совсем не признаки великодержавности, а насущное средство межнационального общения. Невозможно развивать экономику, науку, технику, да и культуру многонациональной страны, не имея общего языка. Начиная с середины 30-х годов национальные языки переводят на кириллическую графику. А в 1938 году руководство ВКП(б) совместно с Совнаркомом СССР издали указ, по которому русский язык стал обязательным к изучению во всех субъектах Союза – национальных республиках, краях и областях. И оказались ненужными изданные до этого на латинице газеты, журналы, книги.

Работа по созданию письменности продолжалась до 50-х годов.

Искусство принадлежало народу

Я приехал в командировку на Челябинский тракторный завод, год 1978-й. И в Красном уголке цеха увидел человека с виолончелью. Естественно, заинтересовался, кто он и откуда. Оказалось, виолончелист местной филармонии, его направили на ЧТЗ дать шефский концерт. Тогда это было обычное дело: посылать людей искусства приобщать к высокой культуре простых тружеников. Виолончелист честно сказал: отыграю минут пять – и свободен. Было утро, можно представить состояние работяг после семи часов тяжёлого труда – до музыки ли им? Не тут-то было! Работяги прослушали один опус. Похлопали. Он сыграл ещё. Опять похлопали. И нет попытки разойтись. Народу даже прибавилось. Так что пришлось виолончелисту отыграть полный концерт.

Творческие люди тогда ездили выступать перед простыми людьми, быдлом, как сейчас любит говорить прогрессивная публика. В цехах, на полевых станах выступали симфонические оркестры в полном составе. Плисецкая танцевала Жизель на сцене заводского клуба в Серпухове, Галина Вишневская пела перед колхозниками Ленинградской области, Мстислав Ростропович провёл месячное турне по городам и весям Сибири. Михаил Горбачёв вспоминал о студенческом клубе МГУ: «Скромное приземистое здание стало для нас очагом подлинной культуры. Сюда приезжали знаменитые певцы и актёры – Лемешев, Козловский, Обухова, Яншин, Марецкая, Мордвинов. Цвет театральной Москвы. Сами актёры рассматривали свои выступления как обязанность прививать молодёжи чувство прекрасного».

Я учился в техникуме в небольшом городе Троицке той же Челябинской области. И нам бесплатно раздавали билеты на концерты областной филармонии. Соученики считали это скукой, а я почему-то ходил. И до сих пор помню выступления певцов, пианистов, рассказы ведущих. Помню исполнение арии Герцога из «Риголетто». И как-то само собой прорезалась у меня необходимость в классической музыке, она, необходимость, до сих пор во мне, сегодня любимая радиостанция – «Радио Орфей».

В СССР было всего четыре программы телевидения, и вот на главной – Первой – в самое смотрбельное время, или как сейчас говорят, в прайм-тайм – в 7 часов вечера – стояло: «Час БСО». БСО – это Большой симфонический оркестр. Исполняли Чайковского, Шостаковича, Малера... Сегодня в такое и не верится. А тогда классическая музыка была среди активных на телевидении, на радио. Георгий Ефрон, сын Марины Цветаевой, репатрировался в СССР из Франции. И его поразило, что по радио передают классическую музыку. В его дневнике постоянно записи типа такой: «Вчера по радио слушал много хорошей музыки – Мендельсон, Глазунов, Прокофьев. Я считаю марш к опере Прокофьева “Любовь к трём апельсинам” замечательным произведением». Ещё запись: «Теперь – увертюра к опере Бизе “Кармен”. Вот – поистине гениальная музыка. Я обожаю эту вещь».

Проходил международный музыкальный конкурс имени Чайковского – все газеты отводят этому событию первые полосы. В 1958 году на конкурсе сенсационно победил американец Ван Клайберн – его лично поздравил тогдашний руководитель СССР Хрущёв. В 1970 году конкурс Чайковского посвятили столетию со дня рождения Ленина, лауреатами стали будущие звёзды Владимир Спиваков, Гидон Кремер и Лиана Исаказде. О каждом из них газеты, журналы писали не меньше, чем о космонавтах.

Был такой лозунг «Культуру – в массы!» Тогда это казалось примитивным идеологическим посылом, а сегодня думаешь: а неплохо бы возродить его. И культуру несли в самые отдалённые места страны. Властвовал кинематограф – свежий советский фильм можно было посмотреть всюду. И не только, скажем, «Пиратов XX века» или «Кавказскую пленницу», но и фильмы, которые, что называется, не для всех. До университета я работал монтажником на строительстве высоковольтных ЛЭП в Оренбургской области, квартировали мы в степном совхозе. И каждый вечер в клубе фильм. Однажды показывали «Земляничную поляну». Сейчас уж редко кто помнит эту картину Бергмана, ставшую классикой кинематографа. Да и тогда она считалась для избранных. Но вот показывали её в глухом краю. И народ смотрел. Десятка два человек было в зале. И никто не ушёл, досмотрели до конца.

Спор о ветке сирени в космосе

Горбачёв в мемуарах пишет, как он в 1959 году был избран первым секретарём Ставропольского горкома комсомола: «Начал с того, что создал городской дискуссионный клуб... Тема первого диспута была достаточно безобидной: “Поговорим о вкусах”. Но она затронула самые острые проблемы молодёжной жизни... Первая дискуссия прошла удачно. Спорили живо, задиристо, порой не жалея голосовых связок. Помещение набивалось до отказа, сидели в проходах, на ступеньках».

Вот ведь парадокс: политическая система требовала идеологического единомыслия, а широко распространились дискуссии, споры, диспуты. Они возникли в конце 50-х годов в пору так называемой «оттепели». Сегодня начинание горкома комсомола представляется наивным: ну, собрались молодые поспорить, но в те времена просто собраться и поговорить на волнующую тему казалось прорывом в другую галактику. А уж темы какие наивные! Иногда даже кажутся детскими. Хорошо помню длительную дискуссию о физиках и лириках, и столь же длительную – о ветке сирени в космосе. О ветке сирени началось со статьи писателя Льва Кассиля в «Комсомольской правде»: «Некоторая часть молодёжи стала доказывать, что в наше сугубо деловое время, в век атома, искусство уже не может играть той роли, какую оно играло в прежние времена. Но в межпланетном полёте космонавту будет нужна и ветка сирени». И до космических высот взметнулись споры о несчастной ветке сирени! Почитаешь сегодня – простодушно, по-детски. А тогда всерьёз спорили.

Дискуссию мог вызвать фильм, спектакль, книга. После выхода романа Дудинцева «Не хлебом единым» по всей стране просто цунами дискуссий. Художественные достоинства повести были мизерными, но она была сенсационно критична к социалистической действительности, и по общественной реакции её можно сравнить только с «Одним днём Ивана Денисовича», вышедшим через несколько лет. Полемика развёртывалась знойная, и полемисты заходили далеко за красные флажки, формулировали далеко идущие выводы. В Ленинградском университете дискуссия продолжалась два вечера по пять часов. Прошла дискуссия в Центральном доме литераторов. Улица, на которой расположен ЦДЛ, запружена, лишь малая часть желающих попала в зал, порядок поддерживала конная милиция. Зал забит до отказа. И такой остроты вспыхнула дискуссия, что книгу запретили.

А сколько споров по поводу постановок пьесы Игнатия Дворецкого «Человек со стороны». Драматургу удалось схватить один из главных конфликтов времени: человек хочет изменений, а коллектив ему сопротивляется, не желает работать по-иному. Коллектив хочет, чтобы ничего не менялось и всё шло сложившимся десятилетиями чередом и чтоб работать с прежней лентой и разгильдяйством. Пьеса всколыхнула общество – дискуссии возникали спонтанно.

А как всколыхнул общество фильм «Премия» по сценарию Александра Гельмана. Парадоксальный, но в то же время простой сюжет: бригада строителей отказывается от премии. Потому что не хочет терпеть бардак на стройплощадке. И такие страсти разгорелись на экране. А потом страсти перекинулись в различные аудитории – спорили, спорили, спорили.

Тогдашние газеты становились площадкой для дискуссий. Тон задавали «Комсомольская правда» и «Литературная газета». Публикация могла поднять дискуссию, которая длилась месяцами. Хорошо помню одну из таких дискуссий после публикации в «ЛП» статьи социолога Урланиса «Берегите мужчин». В «Комсомольской правде» почти каждая публикация Инны Руденко, Лидии Графовой, Юрия Щекочихина вызывали вал писем. Письма читателей приносили мешками – это не преувеличение. И газета иногда отдавала целую полосу этим письмам – рубка мнений была звонкая.

Эксперименты во всех сферах жизни

Моя дочь Аня, десятиклассница, как-то приходит из школы и говорит: «У нас эксперимент. Я теперь завуч». Это 1990 год. В Аниной школе ученики старших классов стали учителями, завучами. Женя, подруга Ани, занимала кресло директора, и, кстати, Женя через много лет станет настоящим директором школы.

А началось всё с командировки журналиста Юрия Совцова в Омск – это где-то конец 70-х годов. Мы работали в одном отделе «Комсомольской правды». Приехал он и рассказал удивительные вещи: на одном из заводов молодёжь неделю управляла предприятием. Да, на неделю руководство взяло отпуск, а их места – начиная от генерального директора и заканчивая начальником смены – заняли молодые. Юра написал об этом эксперименте, публикация вызвала огромный интерес. Мало того – по всей стране принялись копировать этот эксперимент. На заводах, в институтах, в магазинах, даже в школах.

Взрыв экспериментов во всех сферах жизни пришёлся на 20-е годы. Новая власть проводила в жизнь слова «Интернационала»: «Весь мир насилья мы разрушим», потому всё, что было при царизме, объявлялось отжившим. Тогда дров много наломали, начиная со «Сбросим Пушкина с корабля современности» и кончая разрушением церквей. Но в то же время родилось много нового, смелого, неожиданного в литературе, в музыке, в архитектуре, в кинематографе. Эйзенштейн сделал прорыв с «Броненосцем “Потёмкин”» – таких приёмов монтажа мир кинематографа не знал.

Впечатляющим был прорыв в архитектуре. Большевики связывали революцию в архитектуре с политическими и социальными переменами, потому архитекторы получили неслыханную волю. Плоды архитектурных экспериментов можно увидеть в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Баку, Магнитогорске. Архитекторы с помощью новых форм создавали среду и социальные ценности, которые должны обживать люди. Я на себе испытал эту экспериментальную среду. С первой женой я жил в доме архитектора Моисея Гинзбурга на Гоголевском бульваре в Москве. Дом построен в 1930 году. Планировка квартир причудлива – комнаты на двух, а то и трёх уровнях. Согласно веяниям тех времён, считалось, что быт – это устаревшее понятие, потому в квартирах не были предусмотрены кухни и ванны. Питаться предлагалось в столовой, которая располагалась на первом этаже, а мыться в общественных банях или душевых павильонах. Ничего из затеи устроить быт на новых принципах общежития не получилось, жильцы сразу принялись отгораживать в квартирах пространство для кухонь, устраивать душ.

Новый разгул экспериментов возник в 60-е годы. Особенно в экономике. Бригадный подряд, безрядные звенья, щёкинский метод, калужский вариант, орловская непрерывка, карповская система – кто сейчас помнит об этих и массе других экспериментах в экономике, а тогда о них писали газеты, исследовали учёные, снимали документальные фильмы. Я сам писал о бригадном подряде и калужском варианте организации труда, и свято тогда верил, что стоит эти эксперименты распространить на каждое предприятие, на каждую стройплощадку, и экономика рванёт вверх. К концу 70-х годов явно

ощущалось, что экономика выдыхается, заходит в тупик, и эти попытки не что иное, как подпорки. Сложившаяся система отторгала поиски новаторов.

Эксперименты в педагогике начались в 20-е годы. Тогда возник феномен Антона Макаренко. Потом система придушила экспериментаторов. А в 60–70-е годы в школе начался поиск новых форм образования. В школьном отделе «Комсомольской правды» работал Симон Соловейчик. Он был первооткрывателем многих талантливых учителей, или, как тогда их называли, педагогов-новаторов. Мы зачитывались его очерками, я и сейчас помню имена – Евгений Ильин, Шалва Амонашвили, Софья Лысенкова, Михаил Щетинин, Виктор Шаталов. Соловейчик не только писал, но и собирал учителей-новаторов в редакции. Тогда родилось нечто вроде манифеста, который Симон назвал «Педагогикой сотрудничества». Он и сегодня современен.

Пресса – четвёртая власть

В наше время на прессу внимание мало кто обращает – нет ей уважения, на испуг она взять не в силах. Но в те идеологически строгие времена пресса была совсем на ином положении – она на самом деле была властью. Помню свои командировки тех времён. Журналист тогда мог попасть на любое предприятие, кроме, разумеется, военных. Мог разговаривать с любым человеком. Мог потребовать предоставить ему финансовые отчёты.

Пресса тогда поддерживала всё новое, передовое, поддерживала эксперименты. Ведь тем же педагогам-новаторам приходилось несладко, сложившаяся система образования не принимала новое, иные из учителей были на грани увольнения.

А Святослав Фёдоров! Всесоюзная знаменитость. Сегодня действует научно-технический комплекс «Микрохирургия глаза» его имени. А как тяжело он пробивался со своим методом операции на глазе – мир медицины не принимал его, коллеги устроили ему травлю. И тут вступил журналист «Известий» Анатолий Аграновский. Он написал статью «Открытие доктора Фёдорова». И газетная публикация развернула ситуацию в позитивную сторону – Фёдоров получил возможность работать, заниматься научными исследованиями. Аграновский вообще был первооткрывателем многих экспериментов, нередко по его газетным выступлениям принимались постановления правительства.

Тогда существовало обязательное правило: после критической публикации все, кого она затронула, обязаны дать ответ редакции. В газетах была рубрика «По следам наших выступлений». И меры принимались иногда на самом высшем уровне. Помню очерк «Долг» Инны Руденко в «Комсомолке» о том, как цинично, как хамски относятся к воинам-афганцам в социальных государственных учреждениях. На публикацию обратил внимание тогдашний генсек ЦК КПСС Константин Черненко. И были приняты меры на правительственном уровне. Положение афганцев существенно улучшилось.

Журналисты были исследователями. Вот как Аграновский собирал материал для очерка «Техника безопасности». Очерк начинается так: «Лучший и пока единственный способ продлить жизнь – не укорачивать её. Моя тема: техника безопасности». Аграновский и решил разобраться, почему техника античеловечна? Вот маршруты его командировок: Харьков – на тракторный завод, Минск – тоже тракторный завод, Саратов – научно-исследовательский институт по технике безопасности, Кубань – посмотреть технику в действии, да и сам попробовал себя как тракторист. Убедился: невыносимый труд, к сорока годам человек заболевает профессиональными болезнями. Чтобы получить общее представление по стране, собрать информацию, журналист побывал в ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства, в Министерстве сельскохозяйственного и тракторного машиностроения, в сельскохозяйственной академии. Послушал, что говорят умные люди на специализированных конференциях. Расспрашивал десятки специалистов, практиков. И только после этого сел за стол писать очерк. Никто из современных журналистов на такой труд не способен. Да и не ездят они в командировки.

Пресса поддерживала свежее, неожиданное во всех сферах жизни. Юрий Любимов, преподаватель Щукинского театрального училища, поставил со студентами спектакль «Добрый человек из Сезуана». Это стало ярким художественным явлением театральной Москвы. Заговорили о том, чтобы дать талантливым ребятам свой театр. Но органы культуры не решались. Константин Симонов написал статью в «Правде», поддержал и спектакль, и актёров, и преподавателя. И вопрос был решён – родился Театр на Таганке во главе с Любимовым.

Газета могла выдернуть человека из тюрьмы. Помню, Зоя Крылова, корреспондент «Комсомольской правды», написала материал в защиту молодого директора школы, которого осудили за какие-то финансовые прегрешения. И директора освободили.

За иное смелое выступление журналист мог и поплатиться – были случаи, когда увольняли. А самым громким был случай увольнения главного редактора «Комсомольской правды» Юрия Воронова в 1966 году. Газета опубликовала разгромный очерк о злоупотреблениях директора китобойной флотилии «Слава» Соляника. В публикации были затронуты интересы некоторых членов тогдашнего политбюро ЦК КПСС. Потому наказание главному редактору выписали суровое.

Шахматная горячка

В 2020 году появился телевизионный сериал «Ход королевы». О шахматной вундеркиндше Бет Хармон. И вот интереснейший момент! Создатели американского сериала откуда-то знали, что простые советские люди играют на московских бульварах в шахматы. В 70-е годы я жил с первой женой на Гоголевском бульваре и хорошо помню: в любое время суток можно увидеть играющих в шахматы. Доску клали на скамейку или на фанерку, которую втыкали в спинку скамейки. Снег, дождь, ураган, лунное затмение, диссидентов прессуют, война во Вьетнаме – игра продолжается. Уникальное явление. Так вот, Бет, оказавшись в Москве на шахматном турнире, специально приехала на бульвар, чтобы удостовериться: так ли это? Убедилась: так. И даже дала сеанс одновременной игры. Но замечу: сцена снималась не на нашем Гоголевском бульваре, а в Вене.

Бет Хармон печалилась: на шахматы в США всем наплевать, а вот в России... Да, в России шахматы были уважаемым видом спорта. И массовым. Как человека с книгой можно было увидеть где угодно, так и на две склонившиеся над шахматной доской фигуры можно было наткнуться в любом месте. Помню из детства: к нам приходили гости и почти всегда кто-то из них усаживался за шахматы, а остальные наблюдали за партией.

Проводилась масса турниров. На любом предприятии, в любом учреждении можно было увидеть на стене турнирную таблицу.

А началось всё с Ленина, есть известная фотография: на острове Капри он играет в шахматы с Богдановым, своим политическим противником. А если вождь увлекается этой игрой, значит, и рабочий с крестьянином должны сесть за доску. Советская власть сделала максимум, чтобы шахматы овладели массами. За короткое время шахматы стали увлечением миллионов советских людей. Было создано Всесоюзное шахматное общество, оно в 1925 году провело в Москве турнир с участием суперпопулярных тогда Хосе Рауля Капабланки и Эмануила Ласкера. Тогда же был снят фильм «Шахматная горячка», безумно смешной и точно воспроизводящий шахматоманию того времени. И отражение этой горячки – глава в «12 стульях» о Нью-Васюках, будущей столице шахматного мира, которую предлагал создать Остап Бендер.

Увлекли шахматами детей. В домах пионеров обязательно существовал шахматный кружок. Записался в него и я, успехов за доской не обрёл, но хотя бы начал отличать староиндийскую защиту от защиты Немцовича. Во всех газетах, журналах обязательно присутствовала тема шахмат. Печатались шахматные задачи, этюды. Я читал «Пионерскую правду» и, получив очередной номер, первым делом смотрел на четвёртую страницу: есть там шахматная задача? Проводилась Всесоюзная шахматная олимпиада среди школьников «Белая ладья».

Гроссмейстеры, да и просто мастера, проводили сеансы одновременной игры. «Комсомольская правда» проводила матч: читатели против чемпиона мира Карпова.

В СССР выходили регулярные шахматные издания – «64», «Шахматы в СССР», «Шахматный бюллетень», «Бюллетень ЦШК СССР». А в 20-е годы издавался даже такой журнал «Шахматы и шашки в рабочем клубе», в котором печатались статьи «Ленин и шахматы», «Чернышевский и шахматы», «Пролетарий и шахматы». На Центральном телевидении была популярная программа «Шахматная школа». Кстати, история возникновения шахматно-шашечного приложения к газете «Советский спорт» под названием «64» показывает, на каком месте находилась эта игра в спортивной иерархии. В 1968 году редакция газеты решила издавать приложение «Хоккей». А шахматная федерация обратилась в ЦК КПСС с предложением издавать еженедельник «Шахматы». И партийное руководство сочло, что шахматы важнее хоккея.

Издавалась масса шахматной литературы. Зарубежные шахматисты даже специально учили русский язык, чтобы читать выпущенные в СССР книги в оригинале. Одиннадцатый чемпион мира по шахматам американец Бобби Фишер вполне сносно владел русским.

Шахматы по популярности конкурировали с футболом. Когда проводились матчи на звание чемпионки мира, за его ходом следила вся страна. Матчи в Колонном зале Дома Союзов собирали аншлаги. Первым советским чемпионом мира в 1948 году стал Михаил Ботвинник. И на 24 года чемпионами мира становились только шахматисты из СССР. Это подавалось как превосходство советской политической системы над западной. А матч в Багио между Анатолием Карповым и Виктором Корчным стал триллером, и вестей о ходе противостояния ждали как сводок с фронта. И столь же напряжённо следили за противостоянием Карпова и Каспарова – это уже 1990 год. Молодой, раскованный Каспаров был любимцем перестроечной публики, а Карпов подавался как представитель реакционной системы. Но с началом перестройки шахматы стали терять привлекательность и звание игры миллионов. И на Гоголевском бульваре уже не увидеть людей за шахматной доской.

Алло, школьная олимпиада ищет таланты!

1 ноября 1933 года в газете «За коммунистическое просвещение» появилась статья под названием «Явление, встречающееся раз в столетие». Рассказывалось о девятилетнем математике Коле Дмитриеве. Профессор МГУ Чистяков писал: «У ребёнка чрезвычайно большой объём знаний. Он обладает громадной способностью соображения. Несомненно, мы имеем дело с исключительной одарённостью». А заметили одарённого мальчика из Тобола на школьной математической олимпиаде. В то время в стране как раз стали проводить олимпиады среди школьников – по математике, физике, химии. Коля Дмитриев был победителем математических олимпиад. Он потом станет одним из ведущих теоретиков в атомном проекте.

В 30-е годы был расцвет интеллектуального движения учащейся молодёжи – этого требовала индустриализация, становление науки. Олимпиада школьников – нечто вроде соревнований. Начал им положить блестящий учёный Борис Делоне из Ленинградского университета. На олимпиадах выявляли талантливых ребят, которые потом становились студентами лучших вузов. Олимпиады стали постоянными, их проводили университеты и пединституты совместно с органами народного образования. Идея школьной олимпиады объединила научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, которые стремились выявить одарённых учеников, помочь их становлению.

Школьное олимпийское движение ширилось, вышло за пределы Москвы и Ленинграда, стало все-союзным. Кроме математики и физики – базовым предметам, стали проводиться олимпиады по химии, биологии, географии, иностранным языкам. В 1947 году прошла первая школьная астрономическая олимпиада. Победитель – десятиклассник Игорь Зоткин – был награждён дипломом и биноклем. Он стал известным астрономом, исследователем проблемы Тунгусского метеорита.

В 1965 году в Москве была проведена первая олимпиада по лингвистике – этого потребовало время, появились ЭВМ, а с ними возникла потребность связать математику и языкознание. Олимпиада по языковедению и математике должна была заинтересовать школьников в новой специальности, а её задания были предложены на непростых языках: арабском, венгерском, санскрите, чтобы участники подошли к их решению с логически-математической точки зрения.

Проводились олимпиады по сольфеджио.

Этот общественный феномен был замечен и поддержан государством. Проведение олимпиад полностью финансировалось из бюджета. Призёры получали награды, и главная среди них – путёвка в знаменитый детский лагерь «Артек».

Дом творчества

В молодые годы я пробовал себя в драматургии. Занимался в драматургической студии Михаила Шатрова при Центральном доме литераторов. Шатров почему-то меня выделял и послал на всесоюзный семинар молодых драматургов в Юрмале. Я провёл прекрасные две недели. Жили мы в Доме творчества литераторов. Был ноябрь, не сезон, и литераторов были считанные единицы, а в пиковый

сезон путёвку было трудно достать. Такие же дома творчества у писателей были в Пицунде, в Крыму, в Комарово под Ленинградом, на Байкале.

Советская власть создавала условия для людей творческих. Дома творчества – один из примеров. Были и дома творчества у композиторов и музыкантов, у художников, у архитекторов, у театральных деятелей. А ещё члены творческих союзов имели право на дополнительную площадь, на льготы по коммунальным услугам, имели свои поликлиники.

Люди искусства имели свои профессиональные клубы. Как же я жаждал стать членом Союза журналистов, чтобы иметь право свободно ходить в знаменитый Домжур на Суворовском бульваре. Привлекал пивной бар, где мы с Юрой Щекочихиным часами просиживали за разговорами, к нам постоянно кто-то подсаживался, мы пересаживались к кому-то за столик.

Но самым желанным был ЦДЛ – Центральный дом литераторов. Стать членом Союза писателей – до такой ереси я не доходил в самых смелых своих мечтаниях, в знаменитый Дом иногда удавалось попадать на какое-нибудь мероприятие. Например, на творческий вечер Булата Окуджавы. Вот где испытываешь восторг. В столице каждой союзной республики был Дом литератора, да и во многих областных центрах писатели, поэты имели возможность собраться для творческого разговора, да и просто посидеть за столиком в ресторане.

В Лаврушенском переулке Москвы в 1934 году специально для писателей построили жилой дом. В нём получили квартиры многие известные литераторы, в том числе и Пастернак. В те же годы подмосковную деревню Переделкино превратили в творческое поселение, нарезали участки размером с гектар и отдали в вечное пользование писателям. Все известные в то время «инженеры человеческих душ» получили возможность построить там дома, им выдали льготные кредиты.

Для артистов Большого театра построили гигантский дом на улице Горького, а для артистов драматических театров дом в Голенищевом переулке – это ещё до войны. А после войны для писателей построили несколько домов в районе станции метро «Аэропорт».

Художники, архитекторы, скульпторы имели право на творческие мастерские. Я бывал в некоторых – вот где душа наслаждается и искусством, и общением с творческой личностью. В мастерской Юрия Роста кого только ни встречал – и Неёлову, и Юрского, и Жванецкого, и даже Евтушенко.

Творческие люди ездили в творческие командировки – за государственный счёт. Правда, власть имела свой расчёт: писатель или художник должны были отразить ударный труд советских людей, но это не такая уж обременительная нагрузка. Мой учитель в драматургии Михаил Шатров съездил на АвтоВАЗ – привёз оттуда пьесу «Погода на завтра», которая была поставлена в более чем ста театрах. Да ещё привёз из Тольятти «Жигули», дефицит которых был зверский. Знакомый художник объездил всю страну, забирался даже на Чукотку и Камчатку, плохо, что ли?

Уважение учёных

После успешного испытания атомного заряда в 1949 году участников проекта наградили – звёзды Героя Социалистического Труда, ордена, медали, Сталинские премии. Для особо отличившихся – квартиры, дачи с полной обстановкой, автомобили, право на бесплатный проезд любым транспортом, денежные премии. Дети могли без экзаменов поступать в любой вуз страны.

Это понятно – награды за колоссальное достижение. Но успешное испытание атомной бомбы отразилось не только на участниках проекта. В том же году на 20 процентов повышены оклады людей, имеющих высшее и среднее специальное образование – инженеры, техники, учёные, врачи, учителя. Подняли значимость учёных степеней и званий. Зарплата профессора, доктора наук повышается с 1 600 до 5 000 рублей, доцента, кандидата наук – с 1 200 до 3 200 рублей. Академик имел ежемесячную добавку в 5 000 рублей. Зарплата ректора вуза поднялась с 2 500 до 8 000 рублей. В научно-исследовательских институтах учёная степень кандидата наук стала добавлять к должностному окладу 1 000 рублей, а доктора наук – 2 500 рублей. Для сравнения: средняя зарплата в стране в то время 700 рублей, ставка министра – 5 000 рублей, секретаря обкома партии – 1 500 рублей.

Учёные в СССР того времени являлись обеспеченной и – что очень важно – наиболее уважаемой частью советского общества. Все знали академиков Ивана Павлова, Николая Зелинского, Игоря Курчатова, Генриха Графтио, Бориса Патона, Отто Шмидта, Владимира Обручева, Милицы Нечкиной... О них писали газеты и журналы, про них снимали фильмы и выпускали книги. Их слово было

авторитетным. Тогда занятие наукой, а в особенности физикой, было престижным. На физические факультеты университетов огромные конкурсы.

Учёный становится значимым героем в кинематографе, в литературе. Много споров вызвал фильм Михаила Ромма «Девять дней одного года», потом сняли картину «Иду на грозу», экранизация романа Даниила Гранина. Главные герои – физики.

Отдел науки «Комсомольской правды» был в то время одним из ведущих в газете.

Прокатилась бурная дискуссия о «физиках» и «лириках». Начало ей положили стихотворные строки поэта Бориса Слуцкого:

Что-то физики в почёте.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчёте,
дело в мировом законе.

Это 1959 год. На «Комсомольскую правду» обрушился вал откликов – письма приносили мешками. А ведь не сказать, что лирики были в загоне – на поэтические вечера в Политехническом музее ломались толпы желающих. Поэты читали стихи во Дворце спорта в Лужниках, забитом до отказа – а это больше 10 тысяч человек. Но всё же физики, учёные были авторитетнее, их слово весомее. А уж когда запустили первый спутник, когда Гагарин слетал в Космос, тогда наступила наукомания – не только на физфаки огромные конкурсы, но в любой значимый технический вуз.

Советское – значит отличное

Это десять уникальных достижений Советского Союза. А можно привести ещё десятка два. И всё же Союз не выдержал испытания временем, распался, хотя многие предпочитают использовать слово «разрушили». Причин краха СССР много, они подробно исследованы. А в данном конкретном случае главное вот что: у каждого из этих десяти уникальных достижений было своё «НО». Да, искусство принадлежало народу, но сколько же художникам приходилось терпеть от идеологического диктата. Да, много экспериментировали в разных сферах, но судьба экспериментатора нередко была тяжёлой. И так далее и тому подобное по каждому пункту.

